

Современный любовный роман

ПРЕДАТЕЛЬ
БОЛЬШЕ НИКОГДА
КСЮША ИВАНОВА

Ксюша Иванова

Предатель. Больше никогда

<https://litres.ru/74212468>

Аннотация

-Итак, Варвара Ивановна, зачем пожаловали? Встречаемся глазами. У него взгляд холодный и презрительный. Он даже вины не чувствует за собой! -Мне нужны деньги. Он усмехается. -Как предсказуемо. Я другого и не ждал. И сколько же? - Пять миллионов рублей, - я произношу это дрожащим голосом, отлично понимая, что ему нет никакого резона давать мне деньги. -Это очень немаленькая сумма. С какой стати я буду давать её тебе?Я мечтала вернуться в этот город богатой и уверенной в себе женщиной. Чтобы тот, кто предал и безжалостно растоптал когда-то мои чувства, локти кусал, увидев, кого потерял! А возвращаюсь раздавленной горем женщиной, которая просто не знает, у кого просить помощи...

Содержание

1 глава. Беда не приходит одна	4
2 глава. Напридумывала?	9
3 глава. Лучше не видеть	14
4 глава. Лихорадка	19
5 глава. Реальность	24
6 глава. Фантомные боли	28
7 глава. Решение	32
8 глава. Спи, Варвара	37
9 глава. Ведьма	41
10 глава. Не комплимент	45
11 глава.	49
12 глава. Начинается	53
13 глава. Истина где-то рядом	58
14 глава. Главное для мужчин	63
15 глава. Развлечение	67
16 глава. Рыдаю	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

1 глава. Беда не приходит одна

- Варвара Ивановна? - раздаётся в телефонной трубке. - Меня зовут Анжелика, я - оператор кредитного отдела Внешторгбанка. Неделю назад была просрочена выплата по кредитному займу Абрамова Ивана Степановича. Вы являетесь поручителем этого займа, поэтому мы и обращаемся к вам...

- Извините, но папа... то есть Иван Степанович Абрамов... - у меня перехватывает горло и я с огромным трудом выталикиваю из себя следующую фразу. - П-погиб в автокатастрофе две недели назад...

- Мне очень жаль, - девушка делает паузу, а я судорожно думаю о том, что да, когда-то, действительно, отец возил меня в банк подписывать какие-то там документы по кредиту. Кажется, это было года два назад. Но разве этот кредит еще не выплачен? - Но в вашем кредитном договоре содержится условие об автоматическом переходе поручительства при смене заемщика, а значит, поручитель обязан отвечать по кредиту. И... Варвара Ивановна, разрешите посоветовать вам. Лучше было бы заплатить просроченный платеж как можно быстрее, потому что там проценты штрафные включились, а они немаленькие. А потом приходите в наш офис и попробуем что-то решить с займом... Есть некоторые возможности. Например, кредитные каникулы в связи с гибелью основного заемщика...

Обхватив голову, в ужасе плююсь в стену. Только этого сейчас не хватало!

Наш дом и так заложен! Вторая отцовская машина продана! Дачу вот-вот купят. Но я рассчитывала, что этих денег с продажи дачи должно хватить матери на операцию, а теперь даже не знаю, что делать!

Так, Варвара, собралась! Завтра едешь в этот банк и решаешь там с отсрочкой!

А пока в больницу, к маме.

...Мама мучается от боли. Последняя операция оказалась неудачной, врачи задели какой-то нерв, из-за этого произошло ущемление. Ей постоянно больно. Но дозу сильнодействующего обезбаливающего врачи постепенно снижают, а простые таблетки ей не помогают совсем!

- Мамочка, как ты? - беру ее за руку.

У нее тут же начинают трястись губы. Отворачивается к стене, чтобы скрыть слезы.

- Не очень, - хотя, судя по всему, ей хочется сказать, что очень... плохо. - Болит все время, не прекращая. Ночью совсем невыносимо было.

- Спать не давала всю ночь, - ворчит старушка Ефимовна с соседней койки. - Так стонала, так стонала, что я два раза медсестру вызывала.

- Спасибо, - говорю старушке, стараясь выдавить из себя улыбку. - Мам, доктор говорит, что на следующей неделе уже можно оперировать! А завтра у меня сделка про продаже да-

чи. Так что чуть-чуть уже осталось! Ты потерпи, пожалуйста!

- Варечка, дочечка, а вдруг снова не получится? Вдруг еще хуже станет? - снова паникует она.

- Куда уж хуже-то? - подает голос Ефимовна. - И так ни ходить, ни сидеть не можешь! Не выдумывай! Соглашайся на операцию!

Мама выжила в аварии, в которой погиб отец. Ее три часа доставали из искореженной, сложившейся буквально в гармошку, машины. Выпиливали, разрезая корпус. У нее в нескольких местах сломан позвоночник, ребра, удалена селезенка, поврежден мочевой пузырь...

Ухожу, обмыв ее и поменяв подгузники. Я за эту процедуру доплачиваю нелегально санитарке, плюс еще и Ефимовне, чтобы когда-никогда помогала матери, но все равно стараюсь рано утром перед работой и вечером после нее заезжать и делать сама - мама очень стесняется обременять чужих людей. И ночевать с ней не могу! Марусю одну не оставишь...

- Варечка, - зовет мама, когда я уже берусь за ручку двери. - Ты в следующий раз Марусю привези, пожалуйста. Может, в последний раз увижу...

- Мама! Ну, ты что такое говоришь! Не надо меня расстраивать такими словами!

- Света! - тут же вставляет свои пять копеек Ефимовна. - Ты обалдела на старости лет, или как? Что говоришь-то такое? "В последний раз"! Ты еще на свадьбе у внучки отплясывать будешь! Так, Варвара, ты поезжай, поезжай! Я ей са-

ма мозги на место поставлю!

И я уезжаю. Потому что, как обычно, опаздываю.

Детский сад работает до семи, а сейчас уже без пятнадцати. И Маруська снова там одна с воспитательницей сидит.

А вечером, когда мы с Марусей подъезжаем к дому, от подъезда, преграждая путь, шагают два незнакомых высо-
ченных амбала в спортивных костюмах.

- Абрамова Варвара Ивановна?

- Да. Это я...

- Мама, кто эти дяди? - дочка испуганно жметесь к моей ноге. И я инстинктивно прижимаю ее к себе.

- Чш-ш, котенок, спокойно, нас никто не обидит!

- Не обидим, конечно, Варвара Ивановна, если вы вернете деньги, которые ваш отец задолжал одному очень хорошему человеку. А вот если решите не возвращать, тогда обидим. Вы уж не обессудьте. Вот номер телефона, - он сует мне в руку клочок бумаги с написанным на нем номером и цифрой 5 с несколькими нулями и бросает еще одну фразу, от которой у меня буквально темнеет в глазах. - 5 миллионов перевести по номеру телефона, Геннадию Максимовичу С. Можно несколькими суммами. Можно в течение недели. Если в следующее воскресенье денег на счету не будет...

- Лучше, чтобы они были, - басит второй мужчина с длинной бородой, скрывающей половину лица и маленькими глубоко посаженными глазками, которые никак не могут подняться выше уровня моей груди и, кажется, прожигают в

одежде дыры. - Не хотелось бы обижать таких милых девочек.

От страха я даже не додумываюсь спросить, кто этот Геннадий Максимович С. И как мог отец ему задолжать. Забегаем в маленькую квартирку, которую я сняла после того, как пришлось съехать из своей. Запираюсь изнутри на оба замка, приваливаюсь спиной к двери. Дочка, почувствовав себя в безопасности, быстро переключается и, сбросив белые кроссовочки, бежит в комнату к игрушкам.

Вот именно тогда впервые мне в голову приходит дикая мысль, которую я, конечно, сразу же прогоняю прочь. Попросить помощи у Егора Багирова... Человека, которого я не видела 5 лет. Предателя, которого я ненавижу...

Дорогие друзья, эта книга об ошибках, которые мы все совершаем. Об ошибках, которые могут разрушить жизнь не одного человека, а всех окружающих. Я верю, я знаю, только любовь способна такие ошибки исправить. Только любовь может заставить прощать там, где, кажется, простить невозможно! Буду благодарна за лайки книге.

2 глава. Напридумывала?

Флэшбек. За 5 лет до событий, описываемых в 1 главе.

Я точно знаю - все мужчины любят сюрпризы. И мой мужчина, конечно, не исключение.

А от такого, как придумала я, он вообще будет без ума!

Сегодня я сбежала с последних пар в институте, чтобы приготовить ему романтический ужин. И повод для этого имеется замечательный - ровно год со дня нашего с Егором знакомства.

А раз сюрприз, значит, и продукты должна купить я лично. Ну, как-то не сложилось в моей голове, что можно было вчера прислать ему список, а он бы привез все необходимое сам.

Вот уже пять месяцев, как мы живем вместе! Вот уже пять месяцев счастливее меня нет женщины на земле! А летом у нас свадьба...

Я, действительно счастлива. Потому что таких, как Егор больше нет на свете, потому что я люблю... И уверена, что меня тоже любят! И, конечно, немного греет душу мысль, что Егор Багиров - молодой бизнесмен, умный человек, красивый мужчина, выбрал именно меня! Ну, как при таком раскладе не быть счастливой?

Несусь с сумками к закрывающимся дверям лифта. Ну,

как несусь? Скорее, плетусь, сгибаясь под тяжестью покупок.

- Придержите, пожалуйста! - кричу стоящей в нем соседке с третьего этажа.

С трудом протискиваюсь, улыбаясь Римме Геннадиевне. Ставлю сумки к своим ногам, чтобы не рассыпалось содержимое.

- Варюша, деточка, - укоризненно качает головой пожилая, но не лишенная привлекательности седая дама в пальто и с карликовым пуделем Боней на руках. - Ты зачем таскаешь тяжести? Тебе рожать еще!

- Я ужин Егору хочу приготовить! Праздничный! - расплываюсь в улыбке, желая поделиться собственным счастьем. Треплю по умильным кудряшкам тычущегося мокрым носиком в мою ладонь Боню. - Бонечка, лапочка такая!

- Ох, деточка моя! Не ужином надо брать современных мужиков, не ужином, - она хитро улыбается. - А мы с Бонечкой Егора твоего видели недавно. Вот в лифте, как и с тобой, часа полтора назад ехали вместе. Только вниз. Он еще одет был непривычно - по спортивному, в такую безрукавку яркую красную...

Удивленно смотрю на соседку, не понимая, как такое могло случиться, чтобы Егор сегодня приезжал домой. Он вообще-то должен быть на совещании в другом городе. Но мало ли, может, что-то изменилось в планах.

- А потом, когда мы спустились, и я Бонечке разрешила побегать самому на стоянке, смотрю, а Егор твой, - она заго-

ворщески снижает тон, склоняясь ко мне. И хоть мы в лифте едем вдвоем, не считая Бони, конечно, говорит шепотом, словно боясь, что нас кто-то улышит. - В машину садится. Ну, думаю, дай обойду, а то там лужа такая огромная сбоку, вдруг обольет, когда разворачиваться станет. И вот обхожу и вижу - сбоку, на пассажирском сиденье, значит, сидит такая мадам - расфуфыренная вся, волосья в белый выкрашены, губищи огромные, красные, как у макаки... Думаю, наверное, коллега его какая-то. И куда они красятся-то так а, Варюша? Думают, что красиво это?...

Римма Геннадиевна продолжает что-то рассказывать дальше, но я больше не могу ее слушать.

И ведь ничего такого, слишком уж подозрительного, в том, что с ним в машине сидела женщина, нет - в компании, действительно, очень много сотрудниц женского пола, и такое уже случалось, когда забрав меня из института, Егор подвозил своего бухгалтера, пожилую полную даму, или секретаршу Валентину, вместе со мной до дома.

Но я бываю иногда в офисе у Егора. И ни разу не видела там женщину, похожую на такое описание!

Наскоро прощаюсь с Риммой Геннадиевной, и, зайдя в квартиру, обессиленно оседаю на стульчик для обувания.

Сердце словно горячим обручем сжали и стягивают-стягивают, от чего сильно давит в груди.

"Да нет! Быть того не может! - твердит разум. - Я в такое и не поверю никогда!"

Но тревожное предчувствие свидетельствует об обратном.

Достаю телефон. Долго кручу его в руках, не решаясь позвонить Егору. А ведь чего проще, кажется, - набери номер и спроси обо всем, что тревожит! Но нет же, страшно... вот и тяну.

В голову внезапно приходит мысль о том, что Егор как-то в оба наших телефона устанавливал программки такие хитрые с геолокацией друг друга. Я в этом даже разобраться не пыталась - это он всё шутил, что всегда будет знать, где я нахожусь и не прогуливаю ли пары.

И, честно говоря, не понимаю, что мне может дать сейчас его геолокация, но зачем-то нахожу на дисплее значок этого приложения.

Долго вожусь, пытаюсь разобраться. И когда терпение иссякает, неожиданно понимаю, что красная точка на карте в том самом районе, где Егор строит большой трехэтажный коттедж для нас, это и есть обозначение его местонахождения!

Там же, вроде бы, неделю уже работы не ведутся - рабочие, отделав третий этаж, на время переключились на другой объект, тоже принадлежащий компании моего мужчины, временно заморозив строительство дома...

Так что там может делать Егор?

Звоню.

Сейчас просто услышу его голос. Его привычное: "Да, лю-

бимая!" И моя глупая тревога уляжется. И я спокойно буду готовить праздничный ужин и ждать его с работы...

Но он отвечает немного иначе:

- Варя, у меня серьезная встреча! Я занят! - и отключается.

От его резкого тона я испуганно вскакиваю со своего места. Пакет с продуктами падает на пол. Оранжевые апельсины, мимо которых я не смогла пройти в магазине, рассыпаются и медленно катятся по белому пушистому ковру.

Завороженно смотрю на эту картину.

За что он так? А вдруг у меня что-то важное? Да лучше бы уж просто сбросил вызов!

Становится так обидно, что на глазах вскипают слезы.

Серьезная встреча на стройке? Интересно, с кем? С прорабом? Или со строителями?

Не отдавая себе отчет в том, что делаю, я вызываю такси и еду к тому месту, где, как показывает геолокация, сейчас находится Егор.

3 глава. Лучше не видеть

На первом и третьем этаже горит свет. Застываю на заднем сиденье такси, не в силах решиться и выйти. Не отводя взгляда, смотрю на дом.

А рядом с ним, на выложенной тротуарной плиткой площадке, которая в будущем должна стать парковкой, стоит только машина Егора, и ни одной больше. Ни машины прораба, ни машин строителей нет. Да и снующих по двору рабочих не видно.

- Девушка, вы выходить будете? У меня следующий заказ, - говорит таксист.

Всю дорогу я сидела, как на иголках. А сейчас вдруг просто приросла к креслу!

- Да-да, сейчас...

Оплачиваю поездку и выхожу из машины.

И еще долго стою у ворот, не решаясь войти.

Да там заперто скорее всего! Хотя... Если у него здесь встреча, то зачем тогда запирать?

Берусь за витую кованую ручку. Надавливаю. Дверь легко открывается.

Вот ты дуручка, Варька! Сейчас окажется, что Егор с прорабом обсуждают план дальнейших работ, стыдно тебе будет до ужаса! Представляешь, что Егор подумает? А что он скажет?

Ой, зря такси отпустила! Отсюда обратно в город сложно добраться - такси полчаса ждать, а то и больше! А уже темнеет - к автобусной остановке далеко и страшно идти! И сапоги на каблуках еще...

Нерешительно иду к крыльцу.

В сумерках ярко освещенные окна дома, как прожектора, привлекают внимание. Не могу оторвать от них глаз.

Движение в одном из окон замечаю, когда ступаю на первую ступеньку крыльца. И замираю, как вкопанная, на месте.

Это лоджия. Там окна в пол. Егор захотел такие. Собирался поставить у окна удобные плетеные кресла, чтобы мы вместе пили чай и любовались открывающимся видом на лес вдалеке... Так говорил мне. И я заодно с ним мечтала сидеть рядом, укрытая пушистым пледом, пить чай, положив голову на плечо любимому мужчине.

А оказывается, что у этих окон есть еще и другое применение.

В данный момент к окну изнутри дома прижимается голдой грудью роскошная длинноволосая женщина. А к ее заднице... мой Егор!

Нет, конечно, можно попытаться обмануть себя и придумать, что это - другой мужчина. Ведь яркое освещение за их спинами не позволяет разглядеть лиц. Но... Мне-то этого и не нужно! Я-то и без лица его узнаю, и даже со спины...

Вцепившись руками в бедра, он в бешеном ритме траха-

ет ее. Женские ладони ритмично скользят по стеклу. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Потом она, выгнувшись, обхватывает рукой его за голову, и он вжимается губами в ее шею. Ее грудь, этакie круглые упругие шарики, дергается при каждом его мощном посыле вперед.

Это красиво. Она красивая. И он. Его тело - просто произведение искусства. Такие крепкие жилистые руки...

Господи! Это же мой Егор с какой-то бабой!

С другой женщиной сейчас занимается сексом не какой-то там мужик, а мой Егор!

Рыдая, оседаю на холодную мокрую ступеньку.

Как же так?

Но он же знает, что я его дома жду, что люблю его знает. Он же говорил о свадьбе! И я, как дурочка, верила! Я думала, что мы будем когда-нибудь вместе жить в этом большом красивом доме, что у нас родятся дети, что мы будем счастливы! А у него все это время была другая...

Я не хочу смотреть на них - мне больно это видеть! Но глаза сами тянутся к окну, и я снова, захлебываясь слезами, "любуюсь" их жарким сексом.

Что мне делать?

А что если они меня сейчас заметят?

О, нет! Я не хочу, чтобы они знали, что я их видела!

Это глупо, это необъяснимо, но мне кажется унижительным, что они могут узнать! Что увидят мою истерику, мою боль, что, может быть, будут смеяться над глупой дурочкой,

которой с таким удовольствием наставляют рога.

Подхватываюсь со ступенек и бегу к воротам, подскальзываясь на подмороженной мокрой дорожке и едва не падая на землю.

Я не помню, закрываю ли я ворота, не помню, как выбираю свой дальнейший маршрут. Просто бегу, задыхаясь, ощущая сильную боль в правом боку и такую же, только еще более мучительную, в сердце.

Ближе к центру поселка встречаю нескольких людей. Чувствую, как меня рассматривают - это потому, что у меня мокрое от слез, и, скорее всего, испачканное тушью, опухшее лицо. Стараюсь успокоиться, мне просто нужно сейчас добраться до дома, а там я смогу дать волю слезам.

Автобус, к счастью, приезжает очень быстро. И в него садится всего несколько человек. Занимаю место у окна и считаю минуты до приезда домой.

Мне очень хочется забиться куда-то в тёмный уголок, чтобы не видел никто, и рыдать там, орать в голос, рвать волосы на голове - делать что угодно, лишь бы стало хоть немного легче! Мне кажется, что всё это может мне помочь унять боль в сердце, которое истошно бьется в груди, ноет, горит и сжимается от ужаса и боли.

Егор мне изменил.

Егор меня не любит!

Меня так трясет от увиденного, что зубы выбивают чечётку, а потом в какой-то момент бросает в жар так, что темне-

ет в глазах и двоятся бетонные столбы, мимо которых проезжает автобус.

А когда, наконец, я поднимаюсь на наш этаж и засовываю ключ от квартиры в замочную скважину, дверь внезапно открывается сама.

И за ней стоит улыбающийся Егор...

Увидеть визуалы героев и многое другое можно в моем тг-канале. Ссылка во вкладке "Обо мне" ПК-версии сайта.

4 глава. Лихорадка

- Варька, что случилось? - обхватив за плечи, затягивает в квартиру.

Ошарашенно смотрю на него. Как он может улыбаться сейчас мне? Как может спрашивать таким обыденным, таким притворно обеспокоенным тоном, после того, что делал там, с этой женщиной? Как может он притворяться, что ему есть дело до того, что случилось у меня, со мной, если он мне изменил?

И мне так безумно жалко себя за этот его обман, за то, что, возможно, он каждый день встречался с другой женщиной, занимался с ней любовью, а потом приходил сюда, ко мне и вот так вот говорил со мной!

Зачем он меня обнимает? Зачем? Зачем притворяется, что ему важно, что там могло у меня случиться!

У меня такая буря в душе, у меня так в голове все перепуталось, что я не вырываюсь - просто рыдаю, уткнувшись в его плечо. А он обнимает.

В последний раз.

Просто он еще не знает об этом.

Как могут его руки быть такими нежными? Они недавно, и двух часов, наверное, не прошло, обнимали другую. Как может он целовать мои волосы? Как может быть таким... Таким подлым притворщиком! Предателем!

- Варечка, маленькая моя, ты чего? Что случилось, малыш? Кто тебя обидел?

И мне хочется крикнуть: "Ты! Ты меня обидел!"

Но я словно дар речи утратила.

Стою, как каменная, не шевелясь. Как изваяние, которое злая волшебница превратила из счастливой молодой влюблённой девушки в никому не нужную опухшую от слез дурочку, которая верила каждому слову этого мужчины! Этого обманщика! Лжеца! Потаскуна!

Чувствую, как с мокрых волос капаят на лицо холодные капли, как намокает его домашняя одежда от моих вещей - я ведь от остановки до дома шла без зонта, а там начался промозглый дождь со снегом.

Трясусь то ли от холода, то ли от шока.

Егор подхватывает меня на руки, заносит в гостиную, усаживает на диван и начинает раздевать, уговаривая, как маленького ребенка, что нужно обязательно снять мокрое, что нужно переодеться, иначе я заболею.

И мне кажется, что он напуган! Я чувствую это по тону, по взглядам, которые он бросает на меня! Конечно, он уже, наверное, понял, что я всё узнала! Конечно, он боится разоблачения... Ведь если бы не боялся, зачем бы ему волноваться обо мне? Зачем переживать?

У меня такое странное ощущение, как будто всё это не со мной происходит! Как будто я со стороны наблюдаю, как красивый молодой мужчина в белой футболке и спортивных

штанах стаскивает с меня, мокрой и облезлой, джинсы. Как с озабоченным видом, трогает ладонью мой лоб.

- О, да ты горячая жутко! Я сейчас чайник поставлю и градусник принесу! А ты ложись! Ложись-ложись, давай! - командует он.

И я говорю себе, что как только он вернётся, я ему всё-всё обязательно скажу! Я буду резка и хладнокровна! Я выскажусь, а потом соберу вещи и съеду на хрен из этого дома, от этого человека!

Но я вырубаясь до того, как он приходит.

Смутно помню, как несколько раз он будит меня, трогает лоб, заставляет через дикую боль в горле глотать сиропы и таблетки, как укутывает одеялом, как меняет на мне мокрую футболку к утру. Я не желаю выползать из этого черного, тяжелого забытья, где мне кажется, что мой Егор всё еще любит меня. Я не хочу возвращаться в настоящее. В эту действительность.

Но за ночью всегда приходит утро.

Я просыпаюсь в обед в нашей с Егором кровати. По привычке, которая прорывается во мне на автомате утыкаюсь лицом в его подушку! И сначала меня накрывает его родным запахом - бергамот, лаванда, кожа... И только потом куда-то в солнечное сплетение бьет резкой сильной волной ужаса и боли!

Егор мне изменяет.

Рыдаю, уткнувшись в подушку, даже не подумав о том,

что он может быть дома! Но нет, конечно, ради меня, заболевшей, умирающей, не важно какой, отменить работу он не в состоянии. Или не работу, а встречу с этой...

Всё тело ломит, голова пульсирует болью. С трудом встаю с кровати.

Медленно, держась за стены от слабости, обхожу дом.

Прощаюсь.

На кухонном столе в фарфоровом блюде лежат таблетки, рядом записка. Беру в руки. Что там, внутри? Нет, не слова прощания. Иначе зачем бы ему заботиться обо мне тогда? Зачем бы лечить, таблетки складывать? Что там? Приговорные лживые признания в любви?

Как же это подло!

Открываю.

"Варечка, девочка моя, как проснешься, сразу позвони! Я буду переживать! Не хотел уезжать, но к утру температура у тебя спала, а у меня очень важная встреча. Люблю".

Любит. Надо же. И хватило же совести так написать!

Эта лживая записка, кажется, придает мне сил. Сжав зубы и не обращая внимания на то, что в глазах от резких движений темнеет, я складываю вещи. Беру только самое необходимое, оставив всё, что было куплено Егором или за его деньги. Мне ничего не нужно.

Потом, не удержавшись и кляня себя за слабость, вытаскиваю с полки тонкий вязаный свитер. Я сама его вязала ему. А он говорил, что это - самая любимая вещь... И постоянно

носил...

Формально это - мое. Вязала я. Нитки покупала я.

Фактически... Мне нельзя это брать! Но...

Прижимаю свитер к лицу, вдыхаю родной запах. Боже мой, как же я буду без него? Я смогу без него? Я умру без него! Но он все равно меня бросит. Это - вопрос времени. Засовываю свитер в сумку.

Я потом, когда немного переживу вот это все, просто выброшу его в мусорку! А сейчас мне нужна его частичка... Просто чтобы выжить.

Сердце сходит с ума от боли, когда, собравшись, я медленно спускаюсь по ступенькам со второго этажа.

Ну, вот и всё. Вот и закончилось мое короткое счастье.

Осталось самое последнее. Самое важное.

Бросив сумку в прихожей, иду в кухню, сажусь за стол, достаю ручку и пишу на обратной стороне его же записки... Пишу то, что не позволит ему меня искать. Больше никогда...

5 глава. Реальность

Я знала, что я когда-нибудь сюда вернусь.

Правда, представляла себе это возвращение не так. Мне хотелось однажды проехаться по улицам этого города на собственной дорогушей машине, и при этом быть одетой в бриллианты и шикарное платье.

В этих фантазиях непременно появлялся Егор Багиров, мой несостоявшийся муж, изменщик и предатель. Он обязательно стоял где-нибудь неподалеку в тот момент, когда я, вся такая прекрасная и удивительная, выходила из машины, сжимая руку красивого мужчины, который открыл передо мной ее дверцу. Непременно более красивого мужчины, чем Багиров... И более богатого. И более любимого.

А вышло по-другому.

Вышло так, что я поднимаюсь на пятнадцатый этаж, где находится офис компании Багирова, приехав к нему на маршрутке. У меня нет денег даже на такси. У меня больше нет моей машины. У меня нет бриллиантов, которые когда-то дарил отец. И платья тоже нет.

Смотрю на себя в отражении узкой полоски зеркала на одной из стен лифта.

Я некрасивая. Мне нечем похвастаться перед Егором.

Лицо изможденное, исхудавшее - мне приходится даже на еде экономить. Джинсы собрались складками на бедрах, а

совсем недавно были в обтяжку. На ногах вместо шпилек потертые, но удобные кеды - мой путь из другого города сюда, в Ярославль, был неблизким, нужно было обуться так, чтобы иметь возможность много ходить.

Волосы потускнели и выглядят безжизненными. У меня нет ни сил, ни денег, чтобы ухаживать за ними.

Глаза блеклые. Ресницы бесцветные. Краситься нет смысла. Нет времени. Нет желания. Нет жизненных сил.

- Добрый день! Можно мне к Егору Дмитриевичу? - кладу руку на стойку, за которой стоит стол секретаря. Взгляд цепляется за ее длинные красные ногти с черными геометрическими узорами. Сжимаю свои пальцы в кулак. На моих руках давно нет маникюра, ногти просто обрезаны под корень. А из украшений - след от кольца на правой руке, на безымянном. От того самого кольца, которое когда-то дарил Егор, предлагая выйти за него замуж.

Я его тогда так и не нашла в себе силы снять... А теперь вот пришлось. Чтобы он не увидел моей агонии... И это кольцо, кстати, ждет та же участь, что и все мои украшения и украшения матери - если Багиров мне не поможет, я его тоже продам.

- Э-э, здравствуйте! А вам назначено? - удивленно смотрит на меня секретарша.

- Нет. Но мне очень нужно его увидеть.

- Не назначено? Так давайте я вас запишу, - она листает ежедневник, исписанный ровным круглым подчерком. - И...

ну, допустим, в пятницу в 11, вы сможете с Егором Дмитриевичем встретиться.

Из-за двери доносится голос. Мужской. Замираю, вслушиваясь в его звуки, в его тембр. Слов не разобрать. Но это, конечно, он, это Егор. Я не могу не узнать. Он здесь, за дверью, в кабинете.

- Егор Дмитриевич сегодня очень занят, - начинает тараторить секретарша. - У него совещание с директорами филиалов компании по селекторной связи!

- Я подожду, - усаживаюсь на диванчик возле дверей.

Ноги противно дрожат, то ли от голода, то ли от страха, то ли от предчувствия нашей встречи.

Господи, дай мне сил! Прошу тебя! Не оставляй меня!

- Ждать бессмысленно, - недовольно бросает секретарша. - Через два часа у Егора Дмитриевича очень важная встреча в другом конце города! Он не сможет уделить вам время.

Молчу. Вполне возможно, что и не сможет. А скорее, даже не захочет. Потому что я для него никто. Он не искал меня, не пытался вернуть. Он изменял мне, врал, предавал. Да и, возможно, он и не узнает меня.

Это я его любила. А он меня нет.

Стараюсь не смотреть на секретаршу. Потому что в голову лезут совершенно непотребные мысли на ее счет. Егор - любитель таких вот дамочек с большой грудью и длинными белыми волосами. Может, и она для него не только секретарша?

В кабинете не стихают голоса, то есть совещание продолжается, именно поэтому я подскакиваю от неожиданности, когда дверь распахивается.

- Мариночка, принесите, пожалуйста...

Поворачиваюсь.

Он застыл в дверях. Смотрит на меня так, словно увидел привидение.

А у меня такое чувство, словно мне в мозг вонзили длинную острую иглу. Всё тело прошивает болью. Хочется сжаться в комочек под его пронизывающим взглядом и закричать от ужаса, от боли, от всего того, что рвет на части мое сердце.

- Здравствуй, Егор...

6 глава. Фантомные боли

- Через полчаса. Зайдешь ко мне, - бросает он, разворачиваясь.

- Егор Дмитриевич, - щебечет секретарша. - Вы не забыли, что у вас встреча в 12?

Но он ничего не отвечает. Захлопывает дверь.

Чувствую на себе ее любопытный взгляд. Но она ничего не спрашивает, и я, конечно, молчу.

Боже мой, как выдержать и не заплакать? Как быть сильной в такой ситуации? Я не смогу! Я не могу! У меня нет сил!

Он изменился. За эти пять лет Егор превратился из молодого красивого парня в мужчину. Взрослого, яркого внешне и обладающего очень давящей, тяжелой энергетикой внутри. Он просто смотрел на меня, а у меня всё внутри дрожало! Впрочем, может, это просто от нервов? Потому что болеть и дрожать нечему - для него у меня уже нет сердца.

Из-за двери всё еще доносятся голоса. Только я не узнаю в них его голоса. Егор изредка односложно отвечает.

А стрелка больших часов, висящих на стене над головой секретарши, неумолимо отсчитывает секунды обозначенной половины часа.

В углу, за перегородкой характерно щелкает, включая нагрев воды, термопод, и секретарша встает и направляется в его сторону. Чтобы хоть как-то сдержать переживания, смот-

рю на нее.

У нее под пиджаком облегающее платье, которое очень плотно обтягивает большой живот. Беременна!

Длинная стрелка касается пятнадцати минут одиннадцатого - я четко слежу за минутами. Подхватываюсь с места, чтобы идти в кабинет. Одновременно с этим звонит телефон, и, уже берясь за ручку двери, я слышу, как она отвечает:

- Добрый день, офис компании ООО "БагсСтрой". Да... Нет, это не Елена. Это Марина Владимировна... Багирова, да...

Багирова? Жена? Его жена? О, Боже!

Хотя, Варя, ну, чему ты поражаешься, глупая? Может, это именно та девица, которую ты тогда с ним видела? У той тоже были длинные светлые волосы...

Вдыхаю глубоко-глубоко и открываю дверь.

- Входи, - машет он мне от стола, вглядываясь в какие-то бумаги. - Садись.

Сажусь в кресло, стоящее перед его столом.

Мы так близко.

Мы так далеко.

Мне так больно.

Фантомные боли какие-то.

Как будто не было пяти лет. Как будто я все еще его люблю!

Я была уверена, что все чувства сгорели, вырваны с корнями из сердца и выброшены прочь.

И то, что я чувствую - это не любовь, конечно! Потому что любить предателя может только идиотка! А я не идиотка! Ни за что ею не стану!

-Итак, Варвара Ивановна Абрамова, зачем пожаловали?

Поднимаю глаза. Встречаемся взглядами. У него - холодный и презрительный. Он даже вины не чувствует за собой!

А мне так трудно выдержать этот взгляд! Мне так трудно! Но я не позволяю себе опустить плечи, не позволяю себе расклеиться. И, самое главное, не позволяю себе думать о том, что от этого разговора будет зависеть жизнь и здоровье двух моих самых дорогих людей - мамы и дочери.

-Мне нужны деньги.

Он усмехается.

-Как интересно. Столько лет ни слуху, ни духу. И тут вдруг заявляешься, как к старому доброму другу, - задумчиво разглядывает меня, постукивая кончиком карандаша по столу.
- И какова же сумма?

-Пять миллионов рублей, - я произношу это дрожащим голосом. Я и сама отлично понимаю, что ему нет абсолютно никакого резона давать мне деньги.

Во всяком случае, он об этом резоне не знает. Но он есть. И если я скажу ему, что воспитываю его дочь, то, вероятнее всего, денег Егор даст. Ну, или, как вариант, даст, а потом отсудит у меня ребёнка. Мало ли. Я столько читала о подобном. Поэтому о Марусе ему говорить нельзя ни в коем случае.

Впрочем, если эта блондинистая Марина Багирова, действительно, его жена, что ему за дело до моего ребёнка?

Но я все равно не могу ему сказать о Марусе! Не могу! Ведь если скажу, он решит, что я, прикрываясь ребёнком, вымогаю деньги!

- Это очень немаленькая сумма, - вкрадчиво произносит Багиров. - Почему ты пришла именно ко мне? У твоего отца бизнес, насколько я помню. И всё в шоколаде у вашей семьи...

- Отец погиб полтора месяца назад в автокатастрофе. Я не знала, что у него проблемы с бизнесом, кредит огромный, всё имущество распродано или заложено. А мама... - мой голос все-таки задрожал, и чтобы сдержаться и не расплакаться, я сжала челюсти и впиалась пальцами в собственный рюкзак. - В общем, он ушел, оставив мне долги, кредиторы насаждают, коллекторы угрожают...

- Так почему эти проблемы не решит твой мужчина? - презрительно спрашивает Егор.

Медленно поднимая на него глаза.

Нет, Варя, нет! Говорить, что все эти годы ты думала о нем одном нельзя!

7 глава. Решение

Она всё такая же красивая.

Живая. Настоящая. Если бы я не знал ее насквозь подлую натуру, я бы запросто проникся и поверил... Глаза такие честные, страдающие... Невыносимо страдающие. В них легко можно прочесть и стыд, и страх, и все-все переживания. Которые она великолепно умеет играть.

Другая бы на ее месте оделась во что-то производящее впечатление, макияж, укладка, запах... Чтобы дать понять мужику, у которого собирается просить денег, чем именно может заплатить за это благо. Но эта хорошо меня знает.

Поэтому и одета скромно, поэтому и не накрашена толком. Поэтому и строит из себя сейчас убитую горем, несчастную, которую все бросили и оскорбили.

Я пять лет не верил в то, что у нее без меня может быть всё хорошо.

Сколько раз я приезжал в ее город и следил за ней! Сначала так, кажется, что я буквально жил под ее окнами в своей тачке, желая понять, ради кого она меня бросила.

И однажды увидел их вместе. Невысокий коренастый блондинчик напмаженный и слащавый вел под руку мою женщину, преданно заглядывая в глаза. В тот день я, как долбаный сталкер, покатался за ними до вечера. У них был многообещающий маршрут: "женская консультация - аптека

- магазины - дом". Убедившись, что он остался на ночь, я уехал, чтобы вычеркнуть ее из своей жизни навсегда.

Хотя, если подумать, не было смысла в моем сталкерстве - она предельно честно изложила это всё в своей прощальной записке. Ее я, естественно, выбросил, но написанные на бумаге слова до сих пор жгли мозг. Забыть их я был не в состоянии.

"Я ухожу. Не ищи меня. Я полюбила другого человека. Не такого, как ты".

У нее даже не хватило совести сказать мне это всё, глядя в глаза!

Я пять лет думал, что однажды она придет и скажет, что ошиблась, что любит меня одного, что хочет вернуться.

И вот она пришла.

И что же говорит мне?

Что всё, что ей от меня нужно - это деньги?

Как же это... противно.

Мне хочется сказать ей одну простую, примитивную даже фразу. Эта фраза буквально крутится у меня на языке.

"Пошла прочь". А потом, уже в спину, добавить: "И чтобы больше ноги твоей здесь не было".

И я порываюсь это сделать!

Я даже открываю рот, но всё время... Говорю другое!

- А что же твой мужик, которого ты так "полюбила", - насмешливо смотрю в ее глаза.

Опускает взгляд, игнорируя вопрос. Шепчет едва слыш-

но:

- Я верну эти деньги тебе, как только смогу...

"А может дать ей денег? - мелькает в голове глупая мысль.

Но зачем? Чтобы упиваться своим собственным благородством?

А ведь это даже в какой-то степени унизительно - давать деньги женщине, которая тебя предала. Как если бы я только этим, наличием бабок, и ценен для нее. А я хотел, чтобы она любила... Я был болен ею! Я, как пацан, тосковал и страдал по ней! Я, сука, только выздоравливать начал от болезни по имени Варвара Абрамова! Я наконец на других баб смотреть научился! А не только на ее фотки драть...

Задумавшись, теряю ощущение времени.

А она вдруг встает и идет в сторону двери.

Куда? Уходишь? Уже?

И я, блядь, сам себе противоречу! И это необъяснимо ни хрена! Но это сильнее меня...

- Стоять! - рявкаю так, что она вздрагивает, но останавливается, вцепившись в ручку. Оборачивается.

Нет, дорогая, я так просто тебя не отпущу! Ты из меня пять лет назад всю душу вынула. Теперь моя очередь. Ты еще пожалеешь, что пришла ко мне.

Но все эти мысли - просто оправдание... Оправдание за следующие слова:

- Я дам тебе денег.

Наверное, у меня вид злой. Наверное, заметно, что я на

пределе просто! Потому что она испуганно спрашивает:

- Что я буду тебе за них должна?

- Что с фирмой отца?

Насильно переключая в себе некое подобие тумблера с отметки "эмоции" в более правильное положение "бизнес".

- Я не знаю. Там теперь какие-то чужие люди командуют. Я у отца в отделе кадров работала. Фирма продолжает существовать. Завод функционирует. Но меня уволили и даже личные вещи забрать не позволили.

- Но юридически ты ведь его наследница?

- Да, получается так.

- А по документам?

- Я не знаю, - губы у нее начинают дрожать. - Я не вникала никогда. Я же не думала, что отец...

Глупые бабы! Как можно было "не вникать" в такие вещи?

- Ты передаешь мне права на фирму. Продаешь их. За пять миллионов. Я разгребу то дерьмо, которое после себя оставил твой папаша. Но фирма будет моей. И фирма, и завод и... что там у него еще имелось во владении. А ты выйдешь на работу теперь уже ко мне. Только не в кадры. Будешь личным помощником, пока я буду в вашем городишке находится. Как только уеду - возвращайся снова в кадры. Согласна?

У нее нет выбора. Я это отлично понимаю. Как понимаю и то, что мысленно Абрамова уже давно попрощалась со всем имуществом отца. А по-хорошему, там по ходу просто кто-

то борзый и глупый пытается рубить бабло в обход настоящего владельца. И нужно просто показать силу. И взять всё, что у нее есть, себе.

- Согласна.

8 глава. Спи, Варвара

Спи, Варвара! Спи уже!

В салоне его машины всё располагает к этому. Подогрев сиденья расслабил мое тело. Чуть слышная приятная музыка. За окном быстро темнеет. На приборной панели светятся огоньки...

Господи, какое счастье, что я додумалась сесть сзади! Так он не может меня видеть. И мне от этого немного легче.

Спи, Варвара!

Прислоняюсь лбом к стеклу. Почему-то вспоминается, как Багиров ухаживал за мной в тот день, когда я узнала об имене. Как мерил температуру, как кормил лекарствами, каким был ласковым и нежным. Какой ледяной казалась его ладонь на моем разгоряченном лбу. Он не знал, что я уже в курсе! Он очень умело притворялся. Зачем только? Для чего? Я ведь даже женой тогда не была...

Ох, если бы можно было закрыть глаза и в то же мгновение уснуть! Но ведь мозг тут же начинает копаться в памяти, доставая оттуда такие воспоминания из нашего общего с Багировым прошлого, что меня бросает в жар!

Он был моим первым мужчиной. Он остался единственным. Как я ни старалась это изменить.

Но мужикам вообще опасно доверять. Егор предал меня. А папин компаньон Виктор Семенов предал отца. А папа так

хотел, чтобы мы с Виктором были вместе и постоянно подсовывал мне своего "друга". Семенова даже моя беременность не отпугнула - наоборот, он всячески подчеркивал свою любовь к детям и заинтересованность во мне. До рождения Маруси он, словно личный шофер, каждый день возил меня на работу, в больницу, по магазинам. И даже пару раз оставался ночевать...

Да только меня откровенно тошнило, стоило только Семенову коснуться иначе чем по-дружески.

Спи, Варвара!

Но куда там спать? Во мне благоразумия нет от слова "совсем"! И я срываюсь, обещаю себе мысленно, что задам ему только один вопрос.

- Зачем ты сейчас едешь? Может, лучше было бы с утра?

Ведь естественно не для того, чтобы довезти до дома меня!

- Врага нужно застать врасплох. И взять тепленьким, когда он только-только из постельки выпрыгнул и на любимую работу пришел.

- Но тебя даже на порог не пустят! - недоумеваю, потому что меня саму как раз-таки и не пустили после смерти отца.

Косит в мою сторону, саркастически поднимая бровь.

- Пустят. И даже будут принимать, как дорогого гостя.

Ну, конечно! Ты умеешь врать и притворяться!

- Ну, а как ты это сделаешь?

- Что именно?

- Ну, вернешь фирму...

- Я ее не верну. Тебе. Я ее заберу себе. За уже переведенные тебе 5 лямов.

Неверяще моргая, хватаюсь за сумочку. Там, действительно, сообщение от банка. Деньги на счету.

Меня буквально обдает волной облегчения, как будто бы сбрасывая камень с плеч. Завтра я расплачусь с тем самым Геннадием Максимовичем, потом матери сделают операцию, потом я ее домой заберу и всё у нас наладится, всё будет хорошо...

Прислонившись лбом к стеклу, уплываю в какое-то эйфоричное состояние, уверенная, что уж ради такого можно потерпеть даже Багирова! Тут ведь речь о жизни и смерти шла... И моей, и Марусиной, и маминой. А Багиров за пару дней справится с задачей, а потом свалит навсегда... И скатертью дорога!

Мимо, по трассе, на огромной скорости проезжает какой-то явно недослышащий человек, врубивший звук в машине так, что в момент, когда мы равняемся, звуковой волной, кажется, подбрасывает автомобиль Багирова. Вздрагиваю. Я заснула, что ли? И сама не поняла.

- Спи, Варвара. Еще далеко ехать...

Что? Вздрагиваю - прям как будто мысли читает!

Послушно закрываю глаза.

И позволяю себе ненадолго просто пустить мысли врасыпную, не фиксируя на том, о чем нужно и правильно было

бы думать. И в блаженном полусне чекнутая фантазия подсовывает мне картинку какой-то другой реальности. Невозможной.

...Мы с Егором едем домой. Туда, где нас ждет наша дочка. Я просто устала, поэтому вот это его "спи, Варвара" произносится другим тоном - ласково, с заботой и неприкрытыми откровенными чувствами. И в этой реальности я позволяю себе, прежде чем, действительно, закрыть глаза и уснуть, перегнуться через водительское кресло и зацеловать колючий подбородок, щеку, скулу, черный ежик волос на висках... В этой реальности он непременно пошленько шутит - он всегда был тот еще пошляк... Что-то типа такого "Еще один поцелуй, и придется тормозить на обочине, иначе я членом, блядь, ширинку проткну!" И меня бросает в жар от возбуждения... И я намеренно провоцирую, проводя языком по линии роста волос на шее к уху...

Идиотские фантазии какие-то...

9 глава. Ведьма

Это называется спалиться, что я знаю ее адрес. Но мне похрен.

Полчаса сижу в машине возле ее дома, пока она сладко спит на заднем сиденье.

Я уже шею, блядь, себе свернул оборачиваться на нее!

Разбудить надо. Уже половина одиннадцатого. Но я за чем-то тяну.

Недавно в дом вошла молодая женщина, держащая за руку мальчика лет пяти. А потом, спустя пару минут, в окнах квартиры Абрамовой загорелся свет. У нее сын? А девушка - присматривает за ним? А отец ребенка где?

Ей пора. И мне пора тоже. Номер в гостинице для меня забронировала секретарша. Но завтра предстоит столько дел, что, вероятно, нужно набраться сил и выспаться. Пора ехать!

А я сижу, как последний идиот и не решаюсь ее разбудить.

Это уже ни в какие рамки, Багиров! Пиздец ты дебил! Это вообще-то не любимая женщина, чей сон ты бережешь, не жена, а так... вертихвостка, которая манипулирует чувствами людей, которая мужиками крутит, как пожелает!

И вот интересно, чем я ей не угодил? Ну, что обычно баб привлекает? Бабки? Так у меня их и тогда было достаточно - я хоть и был моложе, но уже зарабатывал прилично. Серьезные намерения? Так я замуж звал! Не просто поматросил и

бросил... Внешность? Смотрю на себя в зеркало заднего вида. В салоне темно - мотор я заглушил, чтобы не привлекать лишнего внимания. Видон у меня конечно еще тот - к вечеру подбородок зарастает щетиной. Но в целом... не урод, это однозначно!

Чего тебе не хватало, мерзавка? Я же любил тебя...

Злюсь на нее. Злюсь на себя.

Ты собирался быть хладнокровным и безразличным? Так сдержи уже обещание!

Раздраженно щелкаю тумблером, включая в салоне свет.

- Варвара! - получается неожиданно хрипло - голос не желает подчиняться своему хозяину. Прокашливаюсь.

Я никогда ее так раньше не звал. Мне нравилось "Варька, Варенька"... А "Варвара" грубо звучит - ей не идет совсем...

Подхватывается, испуганно озираясь.

- Приехали.

Она не акцентирует внимание на том, откуда я узнал адрес. И это хорошо. И к лучшему. Мне совсем не улыбалось сейчас объясняться, что я когда-то следил...

С опаской вглядывается в свои же окна.

- Завтра заеду за тобой в половину восьмого. Покатаемся тут - налоговая, администрация, полиция... Покажешь мне, где и что находится. К двенадцати дня моя команда подъедет - юрист, экономист, бухгалтер, силовики. А после обеда будем штурмовать твою крепость, без боя сданную врагу.

- Что от меня нужно?

Задумываюсь. Обернувшись, смериваю взглядом. Заставляю себя зафиксировать в ней мелочи, а не упиваться, как пацан в пубертате, одной единственной щенячьей восторженной мыслью о том, какая же она красивая.

Маникюра нет. Прически тоже. Волосы небрежно собраны в хвост. Мне только сейчас в голову приходит мысль, что это не специально так, а... А почему?

- Одежду нормальную надень. Строгий костюм, туфли. Прическа, макияж... В общем, всё, что полагается вам, бабам, когда выходите на тропу войны.

Хочется добавить: "Чтобы была красивой завтра". Но смысл кривить душой - ее хоть в мешок одень, все равно будет восхитительной...

Обиженно поджимает губы.

Мне твои обидки вообще безразличны!

- И чтобы мне подчинялась беспрекословно. Скажу, улыбаешься - улыбаешься, скажу, матом ругаться - ты ругаешься, скажу - кофе сварить, где хочешь его, блядь, бери, но чтобы через пять минут был. Поняла?

- А дышать мне разрешается? - бормочет, открывая дверь.

Пиздец, шутница! Не в твоей ситуации шутить!

И мне бы просто уехать, как только она выйдет! Но нет же! Не могу удержаться.

- Привет, мужу и сыну!

Завожусь и с пробуксовкой сваливаю. А взгляд все равно ловит в зеркале отражение ее хрупкой фигурки. Застыла у

подъезда. Смотрит мне вслед.

А может, это всё игра такая? Особенная извращенная хитрость - заманить меня в этот город и снова в душу нагадить? Может, она, как ведьма, силу получает, когда у людей душу выворачивает?

Усмехаюсь. Да, Багиров, вот что значит не доверять больше женщинам!

Администратор - молоденькая блондиночка - подобострастно выскакивает с ключами из-за своей стойки, облизывая взглядом.

- Я вас провожу к номеру!

Да, нет! Не женщинам ты доверять разучился. А именно одной, конкретной предательнице. А к женщинам ты, Багиров, все так же очень даже расположен... И даже вполне можешь сейчас это себе доказать...

10 глава. Не комплимент

Мне бы одеться просто и скромно - костюм, значит, костюм, прическа - значит, прическа. Неброский макияж. Но нет же! Я пол ночи не спала, придумывая себе наряд! А потом подхватила в половину шестого, чтобы собраться и доехать до квартиры, которую пришлось продать еще в самом начале, когда стало ясно, что у отца проблемы.

И почему я не сказала, что я там больше не живу?

Да всё просто! В окнах горел свет. И мне хотелось уколоть Багирова - вон, посмотри! Меня ждут! А тебя? Тебя кто-нибудь ждет? Кто-нибудь настоящий? Не твои бесконечные кратковременные любовницы?

Марусю я вчера забирать не стала - так и оставила с ночевкой у двоюродной сестры отца, тети Нади, которая раньше с отцом совсем не общалась, а потом на похоронах очень мне помогла. Да как-то и сблизилась на почве Маруськи - у тети Нади своих детей не было, соответственно, внуков тоже, а тут вдруг Маруська моя. И они, что называется, нашли друг друга, даже лучше общаются, чем с моей мамой, родной бабушкой. А я к своему стыду иногда пользуюсь этой любовью - нанимать няню средств нет, а оставлять круглосуточно в саду не позволяет жалость к ребенку.

Мне всё велико, висит, словно вещи внезапно растянулись. Нарочно надеваю белое - говорят, этот цвет полнит.

Впервые за долгий срок наношу макияж. И вижу в зеркало словно бы совсем другого человека. До этого я казалась себе девчонкой - взъерошенной, неухоженной, обычной. А тут вдруг скулы стали четче, а лицо словно бы заострилось, проявляя все черты ярче, отчетливее. А особенно глаза. Нагреваю утюжок, чтобы, как обычно, вытянуть волосы, сделав их прямыми и гладкими, но вдруг понимаю, что вот именно к этому образу больше подойдут мои собственные волнистые, неуправляемые...

И я совру, если скажу, что не нравлюсь сама себе. И пусть! Пусть Багиров предпочитает блондинок! Пусть! Я - такая, какая есть! И мне ведь даже тридцати лет нет еще! Я себе еще сто таких Багировых найду! А он пусть смотрит и локти себе кусает, потому что меня такую потерял!

Уже на выходе звоню тете Наде. Ее даже просить посидеть сегодня еще денечек с Марусей, не приходится. Слышу радость в голосе:

- Ой, побегу тогда Машеньке оладушки печь! С чем она больше любит - с джемом или со сгущенкой.

Выдыхаю. Фух! Часть денег я уже перевела туда, куда была должна - специально не стала это делать одной суммой, потому что решила, что нужно как-то придержать, посмотреть на реакцию, оценить риски, особенно когда Багиров тут закрутит процесс с фирмой отца. А срок еще не вышел - пара дней у меня есть в запасе.

Всё! Варька! Всё нормально! Ты почти выкрутилась!

Пока несусь по закоулкам - до моего старого дома пятнадцать минут быстрым шагом, сама себя уговариваю быть равнодушной и спокойной. Я просто выполняю свою часть сделки.

И гоню, гоню прочь глупую малодушную мысль о том, что вообще-то я обращалась с просьбой о помощи к стольким людям, что и пересчитать трудно, а в итоге помог мне Егор... А остальные так сочувствовали, так скорбели об отце, а вот помочь отказались.

Прихожу за десять минут до назначенного времени, но... Этот хренов педант уже ждет, прохаживаясь с сигаретой под окнами.

Замираю, оставновившись на повороте.

Я бы и рада забыть, какой он красивый и не реагировать на него, как на мужчину, но... Это вообще возможно?

Фу, какая ты слабачка, Варька! Зажмуриваюсь на мгновение, вызывая в памяти ту самую, незабываемую картинку, как он трахает блондинку у окна. И... Всё, Багиров, твои чары на меня больше не действуют! Я всё также, как и прежде, тебя ненавижу!

Выпрямляюсь и шагаю к нему, как будто бы на главную битву в своей жизни - уверенно и решительно, отбросив прочь все ненужные мысли.

- И где это ты была ранним утром? - не скрываясь, нагло и оценивающе рассматривает меня с головы до ног, бесстыже задержавшись в районе груди, а потом и в районе бедер.

Мерзавец!

- Не думаю, что тебя это касается, - презрительно улыбаясь ему.

- Боже упаси, чтобы ЭТО меня касалось! Главное, чтобы твоего мужика устраивало.

Вообще не понимаю, о каком-таком мужике идет речь, но с радостью подыгрываю ему:

- О-о, его всё устраивает и даже больше, он полностью доволен, поверь мне.

Хмыкает и, щелчком выбросив сигарету в сторону стоящей у подъезда урны, садится за руль.

- Ну, окей. Главное, чтобы твои умственные способности не сильно отставали от внешних...

И это ни грамма не комплимент! Блин...

11 глава.

В час дня я обедаю в "Баграте" в компании, которую даже в страшном сне ещё вчера утром вообразить себе не смогла бы.

Багиров, Семёнов и юрист Багирова - Эдуард Максимович.

Я практически всё время молчу. Разговаривают Багиров и Семёнов. Всё в рамках приличия, никаких переходов на личности и даже на волнующую меня тему отцовского наследства. Но... Это внешне.

А на самом деле! На самом деле я чувствую, как растёт напряжение за столом! Я чувствую, как они мысленно впи-ваются дру в друга, пытаюсь прощупать и понять, кто и и на что способен.

Я почти не разбираю слов и давно утратила нить разгово-ра - вяло ковыряюсь в тарелке, погруженная в собственные мысли.

-Так почему вы, Виктор Сергеевич, уволили с работы Варвару Ивановну? - вдруг подаёт голос до этого момента увлечённо поедавший стейк Эдуард, заставляя меня встре-пенуться и с усилием вслушаться в разговор.

-Она ушла по собственному желанию, - врёт, пожимая плечами Семёнов.

-Конечно, по своему желанию! - взрывает меня. - После

того, как ты пригрозил уволить по статье.

-Она, вообще-то, наследница... - мягко улыбается Багиров. А глаза его холодно соскальзывают с Семёнова на меня и обратно.

-Ну, так а я-то тут причём? У меня 35 процентов акций, у Абрамова был - 51, контрольный пакет. Процедура известная - наследнице нужно вступить в права по истечении полугода после смерти владельца. Срок ещё не вышел. Временно я, как совладелец, управляю фирмой и заводом, - между делом Семёнов вдруг протягивает руку и накрывает мою ладонь, лежащую на столе. - Варя, ну, скажи ты уже им правду в самом деле! Ну, хватит обижаться!

Растерянно смотрю на Эдуарада, потом - на Багирова. Егор презрительно поднимает бровь - во взгляде я легко читаю всё, что он обо мне сейчас думает. Но вообще-то я ничего такого не делала, чтобы хоть чье-то презрение заслужить!

Осторожно вытаскиваю руку.

- Я не понимаю, о чем ты, Виктор, - чеканю каждую букву.

- Я о том, моя дорогая, - он показательно ласково улыбается, стараясь заглянуть мне в глаза. - Что всё у нас с тобой было на мази и договорено. И если бы не один маленький, но неприятный инцидент, то сейчас ты бы была госпожой Семеновой и полноправной хозяйкой всего, чего только захотела бы и даже больше.

Я не знаю, зачем бросаю на Багирова затравленный взгляд! Но в его ответном взгляде столько нескрываемого

го яда, что минералка, глоток которой я делаю, становится горькой!

И я не нахожу, что ответить... Стыдобища.

Конечно, безумно хочется озвучить, что вообще-то не по-мужски приплетать к разборкам мой отказ выходить за него замуж и... тот самый неприятный случай, когда мы... точнее он... пытался заняться со мной любовью.

В последний момент я передумала. Он останавливаться не хотел. Пытался взять силой. Я защищалась! Я не думала, что смогу настолько сильно ударить! Семёнов счёл нанесённый мной ущерб за личное оскорбление.

Но мне кажется... Больше его обидел не мой удар по его драгоценным яйцам, и даже не отказ, а тот факт, что, видимо, отвращение к нему легко читалось на моём лице.

Но я ведь не специально! Я пыталась его полюбить! Но не смогла.

- С завтрашнего дня я - доверенное лицо Варвары Ивановны, - Багиров медленно нарезает рыбу в своей тарелке, размеренно и хищно двигая ножом. - И если мне и моим людям не будет предоставлена вся имеющаяся документация по всем проектам и направлениям работы, то послезавтра я приеду к вам с Евгением Борисовичем.

- С кем? - спрашивает Семёнов одновременно со входящим звонком на мобильный Багирова.

- О, а вот как раз и он. Ваш местный прокурор Евгений Борисович Галицкий... Легок на помине.

Уничтожающий взгляд Виктора. Примерно такой же, только, надо признать, более болезненный - Багирова, и я, как несчастная жертва, между копьями двух охотников, которой некуда спрятаться!

Но почему, почему так? Разве моя вина в этом есть? Один предал, изменив мне с другой. А второй просто не затронул моих чувств, не пришёлся по сердцу. Разве я виновата, что так получилось?

Но, видимо, они оба считают, что виновата...

12 глава. Начинается

И уже утром следующего дня я делю приемную отца с новой секретаршей Виктора Олечкой - и она... ну конечно, как иначе? Она - длинноногая блондинка с потрясающей фигурой!

Виктор изгнан в свой кабинет, а Багиров расположился в отцовском.

Олечка совсем не в курсе, кто я такая.

- Слушай, а чего он тебя с собой притащил из самой Москвы в наши дебри? - кивает на дверь, где сидит теперь Егор. - Или у вас с ним... шуры-муры? От жены небось прячетесь?

Хитро улыбается и подмигивает, а в глазах такое любопытство, что кажется, она готова под кожу мне залезть, чтобы только вызнать интересующую информацию.

- Да упаси Господь, - мрачней я. - Нет у меня с ним ничего.

- А не знаешь, он свободен? - она практически выпрыгивает из-за стола, и чудом не выпрыгивает из своего глубокого декольте. - Колечка-то на пальце нет...

А ведь и правда, кольца я тоже не заметила. Но та его секретарша беременная с фамилией Багирова вряд ли оставляет хоть один шанс думать о том, что Егор одинок.

И, конечно, это не мое дело! Но... Я закономерно представляю себя на месте той самой Марины Багировой, которую мой бывший так запросто оставил в Москве. Если эта

местная легкомысленная особа решит запрыгнуть к нему в постель, то, получается, та девушка, которая, возможно, в свое время увела Багирова у меня, окажется преданной и брошенной? Как и я... И тоже беременной...

А я ведь узнала о том, что у меня будет моя Маруська только через месяц после того, как от него ушла. Боже, как же я рыдала!

Я не хотела её рожать. Потому что очень надеялась забыть Егора! А разве это возможно, если растишь ребенка, которому он - отец? Я думала об аборте! Сейчас стыдно даже вспоминать, но ведь было!

А еще отец, когда узнал, настаивал на том, чтобы я от ребенка избавилась - мол, кому я нужна буду с чужим...

Но я не смогла. Как убить в себе частичку человека, которого так безумно любила?

Задумавшись, забываю напрочь об Ольге. Она напоминает о себе - проходя мимо, машет перед моим лицом своими ухоженными пальцами с длинным красным маникюром.

- Так а зачем он тогда тебя сюда притащил? Тут нам двоим вообще заняться нечем будет! Я бы и одна справилась.

Пожимаю плечами - долго объяснять, да и не хочется мне этого делать. Тем более, что при любом раскладе я больше никаких прав на фирму отца не имею.

- Ну, раз ты не при делах, пожалуй, пойду-ка я отнесу нашему новому главному кофе? - она подмигивает мне и начинает суетиться в маленькой комнатке сбоку от входа.

Боже, как же противно! Она его сейчас там соблазнять начнет! А я тут буду сидеть и это слушать? Ужас какой!

Это неприятно жутко, но, с другой стороны, что поделаешь, если Багиров такой... Да и не мое это дело давно!

Но как я ни убеждаю себя не обращать внимания и спокойно набирать документ, который мне был недавно поручен "нашим новым главным", все равно невольно прислушиваюсь к тому, что происходит за дверью его кабинета.

- Ну, наконец-то, ты одна, - на пороге появляется Семёнов. - А то я уже Ольгу собирался отослать куда-нибудь. В кабинет-то ко мне ты не пойдешь...

- Не пойду, - согласно киваю в ответ.

Ты - тот еще тип, с тобой опасно уединяться.

Да и не о чем нам разговаривать!

Присаживается на угол моего стола совсем близко ко мне.

- Слушай, Семёнов, отстань, а! Чего тебе надо от меня? - не отрывая взгляда от монитора, бросаю ему.

- Понять хочу, Абрамова, какого хера ты сюда этого залетного красавца притащила? Зачем в наши общие дела вмешиваешь посторонних?

- Затем, что знаю - пока я в наследство вступлю и разберусь в делах, от моей части фирмы останутся рожки да ножки, - я, конечно, умалчиваю о том, что у меня еще и куча долгов от отца - кредит непонятный, а еще долг какому-то Геннадию Максимовичу, которого самого я отродясь не видала, но "имела честь" пообщаться с посланными им коллек-

торами.

- А тебе не кажется, что я просто ждал, когда ты придешь и попросишь у меня помощи?

У тебя помощи? И что ты в обмен за нее потребуешь?

- А тебе не кажется, что нормальный мужик сам бы помощь предложил, зная о моей трудной ситуации? Но я тебя что-то после смерти отца не видела ни разу.

Смотрю на него. И он меня разглядывает. И взгляд этот просто сочтется похотью! Будь его воля, он бы меня здесь, на столе, разложил, наверное.

Меня передёргивает от отвращения.

И я, конечно, отшатываюсь в сторону, когда Виктор протягивает руку, пытаясь прикоснуться к моему лицу. Но он всё равно успевает мазнуть пальцами по щеке. А я так сильно облокачиваюсь на спинку стула, что ещё немного, и он точно рухнет вместе со мной назад.

Когда открывается дверь кабинета Багирова, выпуская Ольгу с нетронутым кофе на подносе, я почти рада её видеть.

Была бы рада видеть, если бы за её спиной не стоял мой бывший... А во взгляде у него такое отвращение, как будто я по меньшей мере сексом тут занимаюсь!

Семёнов подрывается со стола и, не обращая внимания на удивлённый взгляд своей секретарши, уходит к себе.

Ольга закрывает дверь

- Иди, - блондинка кивает на дверь кабинета Багирова. - Егор Сергеевич тебя зовёт.

Ну, начинается...

13 глава. Истина где-то рядом

Документы, счета, цифры-цифры-цифры, фотки, личные дела... А по сути - деньги и еще раз деньги. Разве что-то еще волнует людей? И меня в том числе. Ничего. В моей жизни больше ничего нет такого, чтобы трогало, чтобы цепляло...

Сижу в кабинете ее отца. Работы куча - на столе передо мной тонна бумажек. Команда разошлась по отделам - каждый в свой с полным набором полномочий. У меня личные дела сотрудников. В том числе отца Абрамовой. В том числе и ее самой.

А я сижу и гипнотизирую какой-то цветок на подоконнике. Рассматриваю его хищные с заостренными кончиками глянцевые листья.

А че так получилось-то, Багиров? Ты столько раз раздумывал над тем, почему у вас с ней не сложилось. Казалось, любовь была. Казалось, и счастливы вместе были тоже.

Разве ты хоть раз, хоть один долбаный раз за тот год, что вы были вместе, усомнился в её чувствах? Нет, ревновал, конечно, - к похотливым взглядам, к сыну соседки, той, с собачкой, который всегда пялился на неё в лифте... Но был уверен, что любит. И подумать не мог, что уйдет к другому.

А в твоей жизни после её ухода разве мало было баб? Усмехаюсь.

Много. Очень много.

Но всё не то, всё... суррогат какой-то. Без вкуса, без эмоций - голый секс. Дольше пары месяцев никто не задерживался.

Так что ты на самом деле здесь делаешь, Багиров?

Ты отомстить ей хотел? Так вперёд! Давай! План прост. Фирму забрать. В постель затащить. Трахнуть так, чтобы всю оставшуюся жизнь вспоминала, и свалить обратно в Москву. Закрыть гештальт. И забыть, как страшный сон.

Приподнимаю, подцепив пальцем верхний лист её личного дела. На фотке она улыбается. Блядь, как у насквозь лживого человека может быть такая светлая, открытая улыбка?

По моему приказу Абрамову приняли с сегодняшнего дня на работу. Вот и паспорт в оригинале прилагается. Откопировав его, кадровичка передала вместе с остальными оригиналами и копиями.

Барабаню пальцами по столу, рассматривая обложку документа.

Нет, Багиров, оно тебе не надо! Не надо, я сказал!

Но рука сама тянется, пальцы быстро листают странички.

Фамилия та же. Но это может означать, что просто решила не брать фамилию мужа...

А муж у нас кто? Не Витюша - это точно... Витюша тоже оказался неudel, как и я. Вот же стервозная баба, а такой милашечкой кажется! Мной покрутила, голову вскружила, а потом, когда надоел, бросила. Потом и Семёнова, похоже, постигла та же участь. Но муж-то у нее есть! Или, на край-

няк, мужик какой-нибудь. Ребенок же имеется...

Листаю к странице "семейное положение", попадаю случайно на "Дети". И зависаю, поражённый.

У нее дочка. Не сын.

Мария...

Егоровна?

Что, блядь? Как? Какая ещё Егоровна?

Несколько раз с усилием зажмуриваюсь, практически уверенный, что это галлюцинации. Но открываю глаза. Читаю.

Егоровна...

Как безумный, сижу, уставившись в пространство, игнорируя несколько раз звонящий телефон.

Потом нажимаю кнопку внутренней связи, желая вызвать ее к себе.

Но в эту секунду в дверь стучат и заходит секретарша Семёнова с подносом в руках. По-хозяйски плотно закрывает за собой дверь. Офигев от такой наглости, жду, что скажет. А я и без неё уже готов взорваться! И единственное, что удерживает от этого - шок, и мысль о том, что я мог что-то не так сейчас понять.

- Егор Дмитриевич? А я вам кофе сварила, - заигрывающе стреляет глазками.

Я её имя не запомнил даже.

На бейджике написано "Ольга".

- Ольга?

Поощрительно кивает.

- Так вот, Ольга. Ко мне в кабинет можно входить только, если и когда я зову. А вас, Ольга, я не звал.

Неуверенно останавливается со своим подносом посередине кабинета.

- Мне уносить? - кивает на поднос.

- Да, блядь! Уносить! - срываюсь я. - И Абрамову сюда немедленно!

Зачем-то встаю и даже делаю несколько шагов следом за блондинкой к выходу.

Мне дико хочется выйти самому и сунуть ей этот долбаный паспорт в лицо Абрамовой! На реакцию посмотреть.

В открытый дверной проем, пока секретарша не успевает закрыть дверь, успеваю увидеть...

Картина маслом.

Семёнов отдергивает лапу от Варькиного лица. Ласкались там. Сука!

Отворачиваюсь к окну. Паспорт зажимаю в руке открытым. Меня бомбит так, что реально боюсь последствий! Мне нельзя выходить, ни в коем случае! Иначе ведь и поубивать могу в таком состоянии на хер.

Невидяще смотрю на улицу, переживая нечто, сродни атомному взрыву внутри!

Я не по скрипу двери понимаю, что она вошла в комнату. Это как-то иначе происходит - по запаху, по ощущению приближения, по моим каким-то внутренним радарам, которые вопят оглушающе, что эта мерзавка уже со мной вдвоем в

кабинете!

- Что ты хотел? - спокойным и холодным тоном.

Что я, блядь, хотел? Придушить тебя! Посадить! Наказать! Вот что я хотел! Какого хера, блядь? Какого...

- Во-первых, на вы и по имени-отчеству, - бросаю, не оборачиваясь.

Хмыкает, но не комментирует.

- А во-вторых, блядь! - срываюсь снова, не в силах это терпеть! Поворачиваюсь к ней, швыряю в ее сторону по столу паспорт. Он скользит по поверхности к самому краю и останавливается, наполовину свесившись с него. - Что это такое?

14 глава. Главное для мужчин

- Паспорт, - говорю, как можно спокойнее.

Мой паспорт, если точнее.

В глубине души я очень надеялась, что Багирову мой паспорт без надобности, что он его просто не станет смотреть. Да и кто ж знал, что паспорт принесут именно ему?

Но мне не повезло.

- А в чем, собственно, дело? - спрашиваю, стараясь выглядеть уверенно. Но голос дрожит. И мне кажется, он это тоже слышит.

- В чем дело? Ты спрашиваешь меня, в чем дело? - Я отчётливо вижу, как сжимаются в кулаки его пальцы, как бешено бьётся венка на виске, а желваки играют так, что кажется, ещё немного и Багиров себе зубы раскрошит!

Предусмотрительно делаю пару шагов назад. А он один, но большой следом! И снова оказывается близко!

- Может быть, дело в том, что у тебя ребенок от меня? Может быть, дело в том, что ты об этой досадной мелочи мне не сообщила? Может быть, дело в том, что увезла ее сюда и не давала мне встречаться с собственной дочерью пять лет! Пять долбанных лет, блядь! - орёт он.

Стол всё ещё между нами. Но он уже не воспринимается, как преграда! Я уверена, если Егор сейчас захочет, он в долю секунды её преодолеет и окажется рядом!

А я его таким и не видела никогда. Такая злоба в глазах! Мне кажется, будь его воля, растерзал бы меня, разорвал на кусочки!

С бешено колотящимся сердцем дрожащими пальцами я беру свой паспорт.

- При чем здесь ты вообще? - судорожно сочиняю правдиво выглядящую ложь.

Абрамова, ты просто идиотка! Ну, надо ж было думать, прежде чем к Багирову идти! Надо ж было понимать, что вот это всё выплывает. И как ты собиралась объясняться с ним в таком случае? Ты ж сама хотела, чтобы он думал, что и у тебя всё на личном фронте здорово, так же, как у него самого. Придерживайся давней легенды!

- Отчество Егоровна абсолютно не означает, что она - твоя дочь, - начинаю я.

Он перебивает, даже не дослушав:

- Я же просто тест на отцовство сделаю и всё узнаю сам.

- Без моего разрешения никакие манипуляции медицинского характера с ребенком невозможны. А я его не дам.

- Даш, - рычит он. - Куда ты денешься!

И столько в этих словах самоуверенности, что я забываю о собственной плачевной ситуации с деньгами, о том, что сама у Багирова помощи попросила. Мне просто вдруг становится дико страшно, что он может забрать у меня Марусю!

- Ненавижу тебя! - шиплю, тыкая в его сторону паспортом.

- Всех вас, мужиков, кобелей поганных, ненавижу! Только по-

попробуй к ней приблизиться, я тебя сама... Задую!

Мне хочется развернуться и убежать, но... Я понимаю, отлично понимаю, что Багиров не верит в мою ложь, а значит, я просто обязана знать, что он собирается со всем этим делать! Я должна остаться и выслушать.

Склонив на бок голову, думает. Я прямо-таки вижу, как просчитывает варианты его мозг. И мне страшно представить, до чего он сейчас додумается!

-Ты знаешь, - говорит вкрадчиво, словно делится какой-то тайной. - Я всегда нормально к женщинам относился. Но с возрастом стал понимать, что большинство - лживые, падкие до денег суки. А таких нужно наказывать.

А-а-а!

-То есть мы - лживые и падкие до денег? А вы? Вы, мужики, какие? Извращенцы? Кобели? Вы ради денег на что способны? Что у таких, как ты, есть святого?

Наверное, в приёмной хорошо слышно, как я ору. Но я не могу остановиться! Мне хочется рассказать ему, ЧТО именно я видела тогда, в тот проклятый день! Мне хочется бросить ему в лицо правду о нём же самом! Неприглядную правду! Потому что я до такого не опустилась - я ему не изменяла... Так до сих пор и не изменила ему ни разу... А вот он!

- Для таких, как мы? - спокойно отвечает вопросом на вопрос. - Для таких, как мы, святое - дети. Наши дети...

Моё сердце замирает в предчувствии, но я не могу даже предположить, что он скажет дальше! Время, словно рези-

новое, растягивается, превращая несколько секунд, пока Багиров ищет на заваленном бумагами столе ключи от машины, в часы. А потом он поворачивается ко мне и говорит:

-Я еду знакомиться с дочерью. Ты со мной?

Что?

15 глава. Развлечение

Одного не понимаю. Она пришла за деньгами, но попросила их в обмен на фирму. А ведь просто могла все эти годы тянуть их из меня на ребёнка. И если этот ребёнок мой, я бы давал. Она бы могла иметь намного больше, чем 5 миллионов. Почему же не пришла раньше?

Варианта два.

Первый. Логичный. Девочка не от меня. Отчество... Ну, отца могли звать также, как меня. Хотя это было бы совсем уж нереальное совпадение. Да и она сразу бы такое озвучила. Или реально взяла наобум. По старой, так сказать, памяти.

Второй. Потому не пришла, что за что-то обижена на меня. Настолько обижена, что решила скрыть правду о ребёнке. Кошусь в её сторону.

Как изваяние, со взглядом, застывшим в районе приборной панели, сидит на пассажирском.

А всю дорогу до машины, как заведенная, твердила, что девочка мне не дочь...

Второй вариант отметаю. Потому что бред. Да, был один момент в нашей совместной жизни, за который она могла бы очень обидеться... С ее точки зрения это был бы мой косяк, конечно... Но узнать о нём Варвара не могла. А если бы и могла, то мы тогда ещё даже женаты не были! Я потом, после свадьбы, планировал разрулить всё по-честному.

- Куда ехать?

Хороший вопрос. И правильный. Только надо учесть, что я уже полчаса круги по центру города нарезаю, а спросить додумался только сейчас.

- В детском саду она, - произносит, не глядя на меня. - Луначарского, 11.

Притормозив возле обочины, вбиваю адрес в навигатор.

Минут через десять подъезжаем к старому обшарпанному двухэтажному зданию с кованными буквами на фасаде.

- "Светлячок", - читаю вслух, вылезая из машины. - А что, попримечнее ничего не могла для ребенка выбрать?

Молчит. Но бросает на меня такой взгляд ненавидящий, что даже смешно становится. Я же еще и виноват в этой ситуации!

Нет, если ты не справлялась, если не вывозила, почему не пришла за помощью? К отцу ребёнка... Если я, конечно, отец...

Впрочем, она и пришла...

-Иди, - киваю на здание. - Что стоишь, как не родная?

Послушно идёт в указанном направлении. Неуверенно. Медленно.

Смотрю вслед.

Сегодня она одета просто - чёрные брючки, белая блузочка. Волосы собраны в хвост. При других обстоятельствах, с другой женщиной, я бы на такую даже внимания не обратил... А вот сейчас смотрю ей вслед... И смотрю, блядь! Ото-

рваться не могу! И всё замечаю - хрупкие, но прямые плечи, кончик хвоста, касающийся при ходьбе лопаток, покачивания бёдер, то, как рука нервно теревит ручку висящей на плече сумочки...

И несмотря ни на что меня даже сейчас всё это волнует! Должно раздражать, злить! Но волнует...

И с этим пора завязывать! На хер! Не желаю больше!

Затягиваюсь дымом, стараясь успокоить бешено стучащее сердце.

Блядь.

Я сейчас ребёнка увижу.

Скорее всего, своего.

В первый раз в жизни.

Я и подумать не мог, что настолько сентиментален - рука трясется, когда подношу сигарету ко рту.

Выходят. На крыльце останавливаются. Абрамова поправляет на голове девочке яркую жёлтую кепочку. Берутся за руки. Идут в мою сторону, обходя лужи на асфальте.

Не найдя, куда бросить окурок, по-быстрому стреляю им под колёса.

Девочка настороженно разглядывает машину.

-Мама, это снова те злые дяди?

Какие ещё, блядь, дяди? Вопросительно смотрю на Абрамову. Но она отводит взгляд. Ладно, при ребенке не стану выяснять.

-Нет-нет, Марусь, это...

Ну, давай, кто я? Как представишь меня ребёнку? Врать будешь? Всем врать...

-Это - мой знакомый с работы. Дядя Егор.

Встречаемся взглядами снова. Она вопросительно поднимает бровь. Типа, а ты что хотел?

-Привет, - шагаю навстречу ребёнку, протягивая руку. - Можешь просто Егором звать. А тебя как зовут?

-Маруся.

Удивлённо смотрит на мою руку, потом неуверенно протягивает свою - на пальцах колечки из бисера.

Жму. Рассматриваю.

Волосы, как у Варвары. Глаза карие, как у меня. На носу веснушки.

На мать похожа. На меня, кажется, нет совсем...

Ну, Багиров, посмотрел? А дальше-то что? Что делать будешь?

-Маруся... Маша значит? А хочешь, Маша, мы на аттракционы поедem?

-На какие ещё... - возмущается Абрамова.

-Правда? - радуется ребенок. - А я всего только один разик была с мамой. Да и то на всех не успела покататься.

Усаживаю ребенка на заднее, пристегиваю, отмечая про себя, что нужно заехать в магазин и купить детское кресло. Выпрямляюсь. Абрамова захлопывает дверь.

Стоим, уставившись друг на друга. Она - разъяренная, покрасневшая. Шея вся в красных пятнышках. Руки в ку-

лаки сжаты и выставлены так, словно собирается на меня нападать. И мне бы посмеяться сейчас над нею, а я вдруг почему-то представляю, каково это ее такую, злую, эмоциональную, целовать... И у меня это всё так ярко в голове рисуется - как вожду ее в дверцу машины, как руками зафиксирую голову, чтобы не вырывалась... Ох, блядь!

Встряхиваюсь, как мокрый пес, сбрасывая с себя наваждение.

- Багиров, ты совсем с ума сошел, что ли? Мы никуда не поедem! Аtтракционы! Надо же до такого додуматься! Прежде чем обещать ребенку, нужно у матери спросить! Понял?

- Понял, - обхожу сначала Варвару, а потом и машину и, открыв свою дверь, говорю ей:

- Не поедешь, я ее все равно увезу. Только потом поеду в органы опеки. Напишу иск на признание меня отцом через суд. А там, в рамках дела, анализ на отцовство сделают...

Молча садится рядом с дочкой на заднее.

Пиздец, я себе развлечение придумал...

16 глава. Рыдаю

Я не плачу, нет. Я держусь. На злости держусь. И у меня неплохо получается. Но есть один момент. Внутри, в душе, я плачу! И мне очень-очень хочется оказаться сейчас одной дома, упасть на кровать и рыдать-рыдать бесконечно, причитая в голос, так, как причитала моя мать, когда узнала, что отец умер, не приходя в сознание. Чтобы через крик, через голос, выразить, выплеснуть боль!

Мне больно. Потому что... Это трудно объяснить! Я была уверена, что до такого никогда не дойдет. Что Багиров и Маруся просто никогда не пересекутся. А они вот пересеклись.

И теперь рядом со мной два моих любимых человека. Смысл врать себе самой... До сих пор его люблю... Нет, я никогда не признаюсь в этом. Я никогда даже вида не подам. Но это так есть. И от этого никуда не денешься.

Они рядом, но мы не можем быть все вместе! Я даже думать не смею о том, чтобы мы втроем... Но больно! Больно понимать, что всё было возможным, если бы он меня любил.

А любила я!

Очень любила! Безумно! С ума сходила по нему! А он трахал других. Другую. Я этого ему никогда не прощу.

Впрочем, никто и не просит прощения.

Кусаю губы, чтобы не расплакаться, невидящим взглядом смотрю в окно.

Дочка чувствует моё состояние. Хотя и не понимает, в чем дело.

Заглядывает сбоку в лицо.

-Мамочка, не ругайся...

-Я не ругаюсь, моя хорошая.

-Ты не хочешь на аттракционы?

Я не хочу туда с этим человеком! И чтобы ты с ним ехала, тоже не хочу!

А на аттракционы с тобой очень хочу, малышка моя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.